

БОРИС САДОВСКОЙ В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ МИСТИФИКАЦИИ

© Изумрудов Юрий Александрович (2022), ORCID: 0000-0001-8945-4786, SPIN-code: 2178-5120, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия), izumrud.nnov@mail.ru

Рассматривается творчество Бориса Садовского в контексте истории литературной мистификации. Показана специфика решения им проблемы стилизации в каждом конкретном случае, в зависимости от адресации мистификации. Выявлено, что характерной чертой мистификаций Садовского является полемичность и проявляется это в отношении писателей, чью идеологию он не разделял, в частности Блока, Некрасова, Степняка-Кравчинского. Интерес Садовского к мистификациям в определенной мере был обусловлен жизнетворческими идеями культуры модерна. Но в главном он был связан с самими особенностями его творческой индивидуальности, склонностью интегрировать в свой художественный мир сюжетно-стилевые особенности русской классики, различных историко-культурных документов. Концептуальным для Садовского было воздействие пушкинской эстетики. Чеканные лаконичные пушкинские сюжеты, белкинская литературная маска, обычай автора выступать в роли издателя своих историй – все это было близко Садовскому-художнику. На становлении его творческой индивидуальности сказалось также сформировавшееся еще в детстве увлечение А.К. Толстым, не только как автором «Князя Серебряного», драматической трилогии, хрестоматийных лирических стихов, но и как создателем мистифицированного образа Козьмы Прутков. В арсенале Садовского-мистификатора пять «блоковских» текстов (среди них самый значимый – «Солдатская сказка»), стихи *под Есенина, Некрасова и Степняка-Кравчинского*, а еще «воспоминания» о Некрасове и Степняке-Кравчинском. В данный ряд можно включить и опубликованные Садовским письма к нему А.П. Чехова и А.М. Горького. В перспективе – прочтение под мистификаторским углом зрения некоторых других текстов писателя.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, литературная мистификация, стилизация, полемика, А.А. Блок, Н.А. Некрасов, С.М. Степняк-Кравчинский, С.А. Есенин, А.С. Пушкин, А.К. Толстой.

Термин «мистификация» произошел от сложения греческого $\mu\beta\sigma\tau\eta\varsigma$ – (в значении «посвященный в тайну») и латинского *facio* (в значении «делаю»).

Литературная мистификация – это произведение, приписываемое его автором другому лицу, бывшему в действительности или вымышленному, или народному творчеству. При этом для достижения конечной цели мистификация предполагает следование стилизованным особенностям реального лица или эпохи, когда лицо вымышлено или когда имеется в виду произведение народного творчества. Каждый автор проблему стилизации решал по-разному, с большим или меньшим успехом. Так, Борис Садовской, чьи мистификации будут предметом интерпретации в настоящей статье, сочиняя стихотворение *под Некрасова* («Солнышко село. Тюремной решетки...»), мастерски симитировал творческую манеру этого поэта, и специалисты текст этот примут за подлинный и напечатают в Полном собрании стихотворений Некрасова¹. В другом случае, предлагая для публикации свою «Солдатскую сказку» под авторством уже умершего к тому времени А.А. Блока, совершенно не характерную для его стиля, исходил из того, что будто бы сам поэт написал ее «под видом пробы “начинающего автора”» [Садовской 1926, 89], сознательно дистанцируясь от самого себя. И произведение было напечатано. Сыграло свою роль и то, что в литературных кругах был на тот момент большой интерес к наследию Блока. А есть и такой парадоксальный эпизод в истории мистификаций Садовского: свои напечатанные (!) в 1912 и 1915 годах стихотворения он выдал потом за две блоковские «автопародии», и их включили под авторством Блока в том «Литературного наследия» 1937 года, а в дальнейшем в два масштабных издания его сочинений [Блок 1946; Блок 1960]. Публикатор их, блоковед В.Н. Орлов, в указанном томе «Литературного наследия» писал: «В обеих автопародиях Блок, нужно думать, не имел в виду какие-либо определенные свои стихотворения, а тонко пародировал самую манеру, в которой писал в молодости – темы и стиль своей лирики 1902 – 1904 гг.» [Орлов 1937, 680]. А в 1962 году, после того как выявился факт публикации одной из «автопародий» на страницах дореволюционного журнала «Вершины» (1915) как стихотворения самого Садовского, Орлов, смущенный этим обстоятельством, оправдывался: «Не могу объяснить участия Б.

¹ В шестом издании указанного собрания стихотворений (1931), в обзоре «Ненайденные и поддельные стихотворения Н.А. Некрасова», отмечалось (без называния имени Садовского): «Года четыре назад в Москве появилась целая шайка подделывателей текстов. Ловкие версификаторы, умело владеющие некрасовской техникой, не раз вводили в заблуждение даже наиболее осторожных исследователей. Особенно удалась им фальшивка “Солнышко село”. Они с таким изобилием правдоподобных подробностей изложили те обстоятельства, при которых это стихотворение было написано и попало к ним в руки, что все некрасоведы поверили им и напечатали его в качестве подлинника. Мы тоже сделали эту ошибку и поместили “Солнышко” в предыдущем издании стихотворений Некрасова. Лишь в 1930 году Н.С. Ашукину удалось установить, что стихотворение – подделка» [Некрасов 1931, 646].

Садовского в этом деле. В свое время редакция “Литературного наследства” передала мне для публикации два стихотворения, полученные от Б. Садовского. В сопроводительном тексте они были охарактеризованы как “автопародии”, принадлежащие перу Блока и прочитанные им на собрании писателей у Садовского. Рукопись Садовского осталась у меня; здесь черным по белому сказано: “Стихи его <Блока> случайно сохранились, вот они”. Мы поверили этому свидетельству; и как было не поверить!» [Шумихин, 744]. К данной истории добавим следующее. Другую из «автопародий» (1912) в 1920-е годы Садовской включил в свои воспоминания о С.А. Есенине, уже как стихотворение последнего, и оно было опубликовано в газете «Вечерний Тбилиси» в 1959 году и в собрании сочинений Есенина в 1962 году.

Борис Садовской, как человек Серебряного века, хорошо знал самую знаменитую литературную мистификацию этой эпохи – историю Черубины де Габриак (Елизаветы Дмитриевой), был знаком с ее участниками. О том, как решалась проблема стилизации в этой мистификации, рассказал ее модератор М.А. Волошин: «В стихах Черубины я играл роль режиссера и цензора, подсказывал темы, выражения, давал задания, но писала только Лиля (Елизавета – Ю.И.). Мы сделали Черубину страстной католичкой, так как эта тема еще не была использована в тогдашнем Петербурге.<...> Затем решили внести в стихи побольше Испании.<...> Кроме того, необходима была преступно-католическая любовь к Христу...» [Волошин 2008, 456, 457, 458].

Подобное коллективное сотворчество Садовскому было принципиально чуждо. И это, кстати, одна из причин того, что у его мистификаций была долгая жизнь.

Исследователь И.Л. Попова предлагает такую классификацию мистификаций: «1) имитирующие древние памятники, имя автора которых не сохранилось или не было названо (“Краледворская рукопись”); 2) приписанные историческим или легендарным лицам (“Вортингерн и Ровена”, 1796, выданная У.Г. Айрлендом за новонайденную пьесу У. Шекспира; продолжение пушкинской “Русалки”, выполненное Д.П. Зуевым, изд. 1897; “Поэмы Оссиана”, 1765, Дж. Макферсона); 3) переадресованные вымышленным авторам: “покойным” (“Повести Белкина”, 1830, А.С. Пушкина, “Жизнь Василия Травникова”, 1936, В.Ф. Ходасевича) или “здравствующим” (Черубина де Габриак, Э. Ажар); вымышленный автор для убедительности снабжается жизнеописанием, а действительный автор может выступать в роли его издателя и/или душеприказчика» [Попова, 2003, 553].

Рассматривая в данном контексте мистификации Садовского, заметим: почти все они, за одним исключением, связаны с лицами историческими, писателями, причем всегда уже ушедшими в мир иной. А исключение – двухчастные мемуары вымышленного Н.И. Попова, не принадлежавшего к писательскому цеху, опять же умершего (чтобы у сотрудников редакции не возник повод апеллировать к нему для установления подлинности сведений): в одном случае он рассказывает о Н.А. Некрасове в бытность свою его секретарем, в другом – о революционере и беллетристе С.М. Степняке-Кравчинском в годы совместной учебы с ним в Санкт-Петербургском лесном институте. В текст этих воспоминаний были вмонтированы мистифицированные же стихотворения Некрасова и Степняка-Кравчинского. Так что эти воспоминания – своего рода двойные мистификации.

В приведенной выше классификации мистификаций говорится о сопутствующим им *жизнеописаниям* и издательской миссии мистификатора. Садовской практически всегда приходил *так* к читателю со своими *творениями*, сопровождая их как редакционным предисловием, так и мемуарным текстом: либо от себя, либо от вымышленного лица.

Мистификациям как виду литературной деятельности сопутствуют опасения авторов в отношении их раскрытия. Так, Вацлав Ганка, создатель знаменитой «Краледворской рукописи» (1819), – имитации древнечешского эпоса, всю жизнь терзался страхом разоблачения, грозившего утратой авторитета и репутации ученого, становился фигурантом специального судебного расследования. Все это подорвало его здоровье и ускорило уход в мир иной. Макферсону немало страданий принесли подозрения в подлинности его «Поэм Оссиана», и умер он незадолго до того, как назначили комиссию для проверки подлога. Садовской на удивление спокойно относился к своим мистификациям. Не выявлено ни одного свидетельства, которые бы говорили о каком-либо беспокойстве его на этот счет. Красноречив такой факт. Когда из редакции журнала «Былое», возглавляемого П.Е. Щеголевым, пришло письмо с просьбой предоставить автографы стихов Н.А. Некрасова и С.М. Степняка-Кравчинского для сверки, Садовской с беззаботностью сделал на нем помету: «Моя мистификация» [Эльзон 1982, 206], и этот примечательный документ оставил храниться в своем архиве, и его потом обнаружили исследователи.

Раскрытие мистификации производится средствами текстологии в ее единстве со смежными дисциплинами: палеографией, библиографией, стилистикой и др. В частности, прибегнув к изучению физико-химических свойств бумаги, на которой был записан текст «Солдатской сказки» Садовского, а также почерка, С.В. Шумихин сделал важный вывод, что это произведение было написано не в 1915 году, как декларировал автор, а в 1920-е годы.

Цель литературных мистификаций, как формулирует И.Л. Попова, – «эстетический и/или жизнетворческий эксперимент» [Попова, 2003, 554]. На полемичность, как важное свойство

мистификаций, обратил внимание Е.Л. Ланн в своей монографии 1930 года [Ланн 1930, 232]. Обобщая все мистификаторское творчество Садовского, подчеркнем, что именно полемичностью отмечены наиболее значимые его тексты, и проявляется это в отношении писателей, чью идеологию он не разделял: Блока, Некрасова, Степняка-Кравчинского. Не случайно Садовской в мистифицированных воспоминаниях Попова вкладывает в уста упорядоченного и размеренного, подобно Штольцу, Степняка-Кравчинского слова, дискредитирующие русское чаепитие (сакральный мотив которого имеет концептуальное значение в ценностной системе Садовского): «Чай приучает к разгильдяйству и к пустой болтовне. Ничто не принесло столько вреда русскому человеку, как это вечное, благодушное чаепитие, располагающее к распушенности. После нескольких стаканов чаю поневоле распояшешься, а распоясанный человек уже не годен для дела» [Попов <Садовской> 1965, 6].

Мистификации – важный пласт в литературном процессе. Они позволяют акцентировать значимые аспекты искусства и жизни, не получающие освещения или иначе трактующиеся в *обычных*, подлинного авторства книгах. В деле познания феномена мистификаций значима роль уже упоминавшейся выше книги Ланна. Как отмечает И.Л. Попова, «интерес к мистификации был стимулирован вниманием к проблеме диалога, “своего” и “чужого” слова, ставшей в 1920-е одной из центральных философских и филологических тем; не случайно в книге Ланна ощутимо влияние идей М.М. Бахтина. Центральной проблемой мистификации в ее теоретическом освещении становятся чужое имя и слово, сказанное от чужого имени» [Попова, 2003, 554].

***

Интерес Садовского к мистификациям в определенной мере был обусловлен жизнетворческими идеями культуры модерна. Но в главном он был связан с самими особенностями его творческой индивидуальности, склонности интегрировать в свой художественный мир сюжетно-стилевые особенности русской классики, различных историко-культурных документов. Концептуальным для Садовского было воздействие пушкинской эстетики. Чеканные лаконичные пушкинские сюжеты, белкинская литературная маска, обычай автора выступать в роли издателя своих историй – все это было близко Садовскому-художнику. Важно будет также отметить сформировавшееся еще в детстве увлечение А.К. Толстым – не только как автором «Князя Серебряного», драматической трилогии, хрестоматийных лирических стихов, но и как создателем мистифицированного образа Козьмы Прутков.

Кратко обозначим результаты мистификаторского творчества Садовского. Это пять «блоковских» текстов (прозаическая «Солдатская сказка»; стихи: «Лишь заискрится бархат небесный...», «Белая ночь», две «автопародии»). Плюс – стихи *под Есенина* («Подражание Борису Садовскому»; сюда отнесем также одну из «блоковских» «автопародий», потому что, как указывалось выше, Садовской ее и Есенину переадресовывал), *под Некрасова и Степняка-Кравчинского*. А еще «воспоминания» о Некрасове и Степняке-Кравчинском. В готовящейся нами монографии о творчестве Садовского предложена новая аргументация в обоснование гипотезы И.Н. Сухих о поддельности опубликованного Садовским письма к нему А.П. Чехова. Установлено, кроме того, что включенное Садовским в структуру его мемуарного очерка «Горький в Нижнем» (появившегося в 1941 году на страницах журнала «Звезда») [Садовской 1941] письмо к нему пролетарского классика также является мистификацией нашего автора.

... На очереди прочтение под мистификаторским углом зрения некоторых других дошедших до печатного станка текстов Садовского.

Заключим словами И.Н. Сухих: «Борис Садовской, пожалуй, – самый успешный мистификатор/фальсификатор в русской словесности XX века» [Сухих 2014, 32].

Источники

Блок 1946 – Блок А.А. *Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Т. 2.* [Л.], 1946. С. 232–233.

Блок 1960 – Блок А.А. *Собр. соч.: В 8 т. Т. 3.* М. – Л., 1960. С. 416–417.

Волошин 2008 – Волошин М.А. *Воспоминания о Черубине де Габриак* // Волошин М.А. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. Дневники 1891 – 1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания. М., 2008. С. 451–471.

Некрасов 1931 – Некрасов Н.А. *Полн. собр. стихотворений.* М.–Л., 1931.

Попов <Садовской> 1965 – Попов Н.И. <Садовской Б.А.> «Синее небо отчизны моей»: *Стихотворения С.М. Степняка-Кравчинского* // Неделя. 1965. № 3. С. 6–7.

Попова 2003 – Попова И.Л. *Мистификация литературная* // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. Стб. 553–555.

Садовской 1926 – Садовской Б.А. <Предисловие> (Блок А.А. *Солдатская сказка*) // Новая Россия. 1926. № 3. С. 89.

Садовской 1941 – Садовской Б.А. *Горький в Нижнем* // Звезда. 1941. № 6. С. 172–175.

Литература

Ланн 1930 – Ланн Е.Л. *Литературная мистификация.* М.–Л., 1930.

Орлов 1937 – Орлов В.Н. *Из неизданных текстов Александра Блока* // Литературное наследство. Т. 27–28. М., 1937. С. 675–682.

Сухих 2014 – Сухих И.Н. *Об одном письме и одном поэте. Еще одна мистификация Бориса Садовского?* // Текст и традиция: Альманах. 2. СПб., 2014. С. 26–36.

Шумихин 1987 – Шумихин С.В. *Мнимый Блок?* // Литературное наследство. Т. 92. Книга 4. М., 1987. С. 736–751.

Эльзон 1982 – Эльзон М.Д. *О «Воспоминаниях» Н.И. Попова и их авторе* // Русская литература. 1982. № 3. С. 205–206.

BORIS SADOVSKY IN THE HISTORY OF LITERARY HOAXES

© **Izumrudov Yuri Aleksandrovich** (2022), ORCID: 0000-0001-8945-4786, SPIN-code: 2178-5120, PhD in Philology, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation), izumrud.nnov@mail.ru

This article examines the work of Boris Sadovsky in the context of the history of literary hoaxes. The article shows the specificity of his solution to the problem of stylization in each case depending on the targeting of the hoax. It is revealed that a characteristic feature of Sadovsky's hoaxes is polemical and it is manifested in relation to writers whose ideology he did not share, such as Blok, Nekrasov, Stepniak-Kravchin: Blok, Nekrasov, Stepniak-Kravchinsky. Sadovsky's interest in hoaxes was to a certain extent determined by the vital creative ideas of the Art Nouveau culture. But in the main it was connected with the very peculiarities of his creative individuality the tendency to integrate into his artistic world the narrative and stylistic features of the Russian classics and various historical and cultural documents. The influence of Pushkin's aesthetics was conceptual for Sadovsky. Pushkin's laconic plots, Belkin's literary mask, the author's tradition of acting as publisher of his stories – all this was close to Sadovsky the artist. The formation of his creative personality was also influenced by his childhood fascination with A.K. Tolstoy as the creator of the mystified image of Kozma Prutkov. Sadovsky's arsenal of hoaxes includes five 'Blok's' texts (the most significant among them is 'Soldier's Tale'), poems by Yesenin, Nekrasov and Stepniak-Kravchinsky as well as 'memoirs' about Nekrasov and Stepniak-Kravchinsky. Letters to him by A.P. Chekhov and A.M. Gorky published by Sadovsky can also be included in this series. In the long term, some of the writer's other texts could be read from a hoax perspective.

Keywords: B.A. Sadovsky, literary mystification, stylisation, polemic, A.A. Blok, N.A. Nekrasov, S.M. Stepniak-Kravchinsky, S.A. Yesenin, A.S. Pushkin, A.K. Tolstoy.

References

(Articles from Scientific Journals)

Эльзон 1982 – El'zon M.D. О «Vospominaniyakh» N.I. Popova i ikh avtore [About N.I. Popov's Memoirs and their author] // Russkaya literatura, 1982, № 3, pp. 205–206. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Орлов 1937 – Orlov V.N. Iz neizdannykh tekstov Aleksandra Bloka [From the unpublished texts of Alexander Blok] // Literaturnoye nasledstvo, V. 27–28. Moscow, 1937, pp. 675–682. (In Russian).

Сухих 2014 – Sukhikh I.N. Ob odnom pis'me i odnom poete. Eshche odna mistifikatsiya Borisa Sadovskogo? [About one letter and one poet. Yet another Boris Sadovsky hoax?] // Tekst i traditsiya: Al'manakh. 2. Saint-Petersburg, 2014, pp. 26–36. (In Russian).

Шумихин 1987 – Shumikhin S.V. Mnimyy Blok? [The imaginary Blok?] // Literaturnoye nasledstvo. V. 92. Part 4. M., 1987, pp. 736–751. (In Russian).

(Monographs)

Ланн 1930 – Lann E.L. Literaturnaya mistifikatsiya [Literary hoax]. Moscow – Leningrad, 1930. (In Russian).

Поступила в редакцию 23.05.2022